

«Горькое мое детство...»

(мини - исследование)

Автор: Евтушенко Алёна Сергеевна.

МБОУ СШ №64, 10 класс

660037 г. Красноярск ул. Московская2

kras.scholl64@mail.ru

Руководитель:

Купрякова Ирина Владимировна,
педагог дополнительного образования;

МБОУ СШ №64

Красноярск 2019

“У войны не детское лицо...”

Дети войны... Дети, пережившие войну, опалённые войной, дети, которым выпало такое трудное детство, что не пожелаешь и врагу.

Почему я обратилась к этой теме?! Да не только потому, что в мае 2020 года мы будем праздновать 75-летие Великой Победы. Именно праздновать “со слезами на глазах”. Есть такие горькие праздники, когда душа одновременно рвется от горя и счастья. Я категорически не согласна с теми, кто утверждает, что 9 Мая – это день траура. Да, мы вспоминаем всех погибших, пострадавших, покалеченных войной, но наш народ сломал хребет страшному чудовищу – фашизму. Он раздавил ядовитую гадину и спас не только себя, но и миллионы людей в разных странах. Поэтому в этот день мы поем и радуемся, а по лицам текут нескончаемые слезы. Так было в мае 1945, так происходит сейчас, так будут относиться к этому Великому празднику наши потомки.

Два года назад, когда я работала над историей своей семьи, мне уже приходилось обращаться к теме детства в годы войны. Но мои сведенья были довольно скудными. Но даже то, что мне удалось узнать о жизни моей прабабушки Октябрины, которая пережила войну подростком, больно царапнуло меня тогда. Нет-нет, да и появлялась мысль: как они выживали 12-13 летние подростки в то страшное лихолетье? О чем думали? Чем заполнены были их дни? Ведь, несмотря на то, что шла война, дети оставались детьми. Рядом с тяготами быта протекала обыкновенная детская жизнь. Вот только, не понятно – на сколько она была обыкновенной?! Сейчас об этом очень трудно узнать, так как этим “военным детям” сегодня уже 80-90 лет. Они многое забыли, а то, о чем понять, говорить трудно. На это уже не хватает душевных сил. Их косят болезни, они уходят от нас навсегда, и скоро ответить на мои вопросы мне не сможет никто. Например, в моей семье уже не осталось таких пожилых родственников, кто мог бы поделиться со мной своими воспоминаниями.

Но я считаю, что мне повезло. Работая над предыдущим исследованием, я обращалась за помощью к хорошей знакомой нашей семьи – Ласой Анастасии Игнатьевне. Как и моя прабабушка Октябрина, она встретила начало войны 11-летней девочкой. И свое военное детство помнит очень хорошо. Правда, тогда я очень мало обращалась к ней, понимая, что пожилому человеку очень слабого здоровья вести со мной эти разговоры было не легко. И все же, я набралась духу и летом 2019 года попросила Анастасию Игнатьевну рассказать мне все, что она захочет сказать. И огромное спасибо ей за то, что она пошла мне на встречу. Сразу скажу: это

были трудные беседы. Судьба обошлась с моей героиней жестоко. Но она считает, что это было такое же детство, как у многих других: просто кому-то везло чуть больше, а кому-то – меньше. У одних ребят не вернулись с фронта отцы, другие выжили благодаря тому, что рядом были матери, как у моей прабабушки Октябрины, а кто-то оказался обездоленным войной и выживал, как умел.

Я понимаю, что моя нынешняя работа не совсем обычная, в ней почти нет места серьезным исследованиям и публицистической литературе. Она не опирается на выводы историков и фундаментальные монографии. Автор этой работы – простая русская женщина, не получившая в силу обстоятельств хорошего образования, родительской заботы и воспитания, но пережившая тяготы военного лихолетья, прожившая большую, честную жизнь. Собственно, как миллионы советских людей, о которых не напишут исследований маститые ученые, но жизнь которых и есть та “живая история” – история моей страны. Только несколько раз, я обращалась к справочному материалу, чтобы перепроверить рассказанное. Ведь память уже подводит мою героиню.

До войны семья Игната Ивановича Ласого, проживала в 77 километрах от Красноярска в селе Камарчага, что раскинулась при одноименной станции. Семья состояла из жены Ирины Фадеевы и четырех детей, все девочки: Марии – 1926 года рождения, Валентины – 1929, Анастасия – 1930 и Тамары – 1939. Глава семьи занимал по тем временам солидную должность – был заведующим сельским клубом. Культурное просвещение сельчан частенько заставляло его проводить время в Красноярске, а жена и дети жили хоть и простенько, но счастливо на таежном сибирском приволье. Так помнится маленькой Насте ее самое раннее детство. Самое любимое лакомство тогда – это «паренка». Огромный старый чугунок доверху наполнялся мытыми порезанными на куски овощами: брюквой, морковью, свёклой, репой, словом все, что росло в огороде. Подхватив ухватом чугунок, мама задвигала его глубоко в русскую печь, где кушанье томилось несколько часов. По мере готовности, чугунок доставали, а его содержимое вываливалось в огромную миску. «Ах какой стоял запах! А мама еще присыплет сверху чуть-чуть сахорком, отрежет каждой по тоненькому кусочку хлеба, и вот наворачиваем мы ложками!» - жмурясь от приятных воспоминаний рассказывает мне Анастасия Игнатьевна.

Денег в семье всегда не хватало, но выручал огород: станция Камарчага довольно крупный железнодорожный узел. Поезда там останавливались часто, и сестренки к приходу поезда тащили на перрон ведро с намытыми свежими огурцами. Благо, что жили от станции недалеко. Вот на эти, вырученные копеечки, и покупался хлеб. В памяти моей

собеседницы остался еще один сюжет: огромные полозья на которые, зимой ставилась большая бочка. В ней Ирина Фадеевна возила воду для домашних нужд. Импровизированные сани были всегда обмерзшими, от воды, что переливалась через край бочки. Как девчонки ждали этого момента. Мигом накидывали на себя какую-то одежку, босые ноги запихивали в огромные разношенные валенки и, подхватив эти странные санки, неслись к обрыву, что был рядом с домом. Головокружительный полет вниз, а потом, бегом домой, побросав в сених свою римутину (так Анастасия Игнатьевна называет старую и рваную одежду) — и прыг на горячую печку. «И ведь не кашлянули ни разу!», - удивляется она.

Кто-то скажет, что ничего хорошего в таком детстве нет. Но ведь это были 30-е годы XX века. Всем жилось трудно, а радость и удовольствие находили в малом. И не надо забывать, что это было детство, когда воспринимается все радостно и просто.

В 1935 году глава семьи, Игнат Иванович, перевез семью в Красноярск. Жизнь началась совсем другая: более голодная, менее удобная, потому что семья ютилась в старом двухэтажном бараке, где в каждой квартире жило множество разных людей. Но и это время в памяти Анастасии Игнатьевны еще окрашено в светлые тона. Скоро она пошла в школу, где учиться ей нравилось. Правда, чем старше девочка становилась, тем больше трудностей на ее школьном пути возникало. Она очень любила географию, литературу, на которых слушала, по ее выражению, открыв рот. А вот математика давалась ей с трудом — задачки и примеры никак не хотели решаться. Часами просиживала она над тетрадкой, а помочь было некому. Игнат Иванович устроился стрелочником на железной дороге, дома бывал редко, а малограмотная Ирина Фадеевна могла только шлепнуть слегка непонятливую дочку. Но все равно, Надя ходила в школу с удовольствием. Я не ошиблась, назвав мою героиню Надей. Дело в том, что записав в свидетельстве о рождении дочь, как Анастасию, дома все звали ее Надей. Она и посей день для окружающих Надежда Игнатьевна: «Я не раз спрашивала отца, что за путаница такая с моим именем. А он пожимал плечами, дескать какая разница — Надя или Настя. А мне-то приходилось не легко: сколько раз в важных бумагах меня Надеждой напишут, а глядь в паспорте совсем другое имя. Вот ведь какое путаное время было».

Свидетельство о рождении

Жизнь была трудная, но для ребенка вполне терпимая. Чистюля Ирина Фадеевна, отправляла дочек в школу хоть и в стареньких, но чистых и заштопанных платьях. Головка у Нади всегда было аккуратно причесана в две коротенькие косички, где вместо лент были подвязаны бантики из простых тряпочек.

Школа №40, 1935 год.

Она до сих пор помнит имя любимой учительницы - Олимпиада Сергеевна: и то, какой она была строгой, и за опрятный внешний вид, укоряя грязнуль, говорила, что, дескать, у Нади и семья большая, и живут бедненько, а распустехой в школу не ходит.

Но самое яркое, самое главное, что осталось из детства — это бесконечная любовь девочки к своей матери. « Меня в семье прозвали «мамин хвостик». Приду из школы, сумку швырну, и первым делом: а где мама? И если ее не оказалось дома, я обегу всех соседей, все магазины, всех, где мама копейку зарабатывала-мыла полы, носила воду, стирала белье. И ведь обязательно найду. Ох, и попадало мне от нее. Ругала она меня страшно, что здоровая девка бегая, мешаю ей. А я все равно, до самого конца привычки своей не бросила», - вспоминает Надежда Игнатьевна.

Моя героиня не помнит начало войны, в одиннадцать лет война - слово непонятное. Понятно стало через пару месяцев, когда в город хлынули эшелоны с эвакуированными. И без того забитые квартиры в бараках уплотнили еще больше, разом исчезли в магазинах продукты и стало совсем голодно. Игнат Иванович к тому времени работал на механическом заводе, который в годы войны стал крупным машиностроительным предприятием. У многих детей из Надиного класса мужчины ушли на фронт, но ее отец получил бронь — хоть какая-то часть трудоспособного мужского населения должна была работать для фронта.

Примерно в таком бараке жила семья Надежды Игнатьевны

Первые воспоминания о войне — лютый мороз, когда, по ее словам, трескалась земля. Я поинтересовалась в источниках: на самом деле зима 1941-1942 и 1942-1943 была для Сибири не особенно холодной: чуть ниже - 30, да и то холода держалась по нескольку дней. Почему же ей казалось, что мороз пробирает до костей? Это я поняла позднее, слушая эту горькую исповедь. Второе воспоминание; постоянное чувство голода. На карточки, что получала семья, можно было отоварить только хлеб: «Мама нарезала его, прозрачными ломтиками, а про себя говорила, что поест потом. Ничего она не ела, все только нам-детям.» Сестры — погодки, Валентина и Надежда, с охотой бегали в школу: ведь на большой перемене давали кусочек хлеба и стакан горячего чая. Норма была: 50 гр. - хлеба и 10 гр. - сахара. В холодных нетопленных классах школы, сидели одетыми. Вместо тетрадей и ручек — газетные листы и простые карандаши. Писали между строчками, а то и вовсе, просто слушали учителя. Старшая сестра, Мария, пошла в ремесленное речное училище, там хлебный поек был побольше.

В памяти Надежды Игнатьевны эти дни, как в тумане. Беда грянула первого мая 1942 года — в этот день умерла Ирина Фадеевна. Ей не было и 40 лет, но истощенный голодом и тяжелым трудом организм не сумел справиться с обрушившейся болезнью: «У мамы на ноге появилось воспаление, «рожа». А врачи велели делать припарки, а мочить- то нельзя ни в коем случае. Она у нас огнем горела. Первого мая мне соседка велела, дескать, беги Надька за отцом, мать помирает. Я босиком, в одном платьишке побежала на завод. Отец ведь неделями домой не приходил. Повезло мне, я его нашла, но он маму уже не застал. Дали ему лошадь и телегу, чтобы отвезти гроб на кладбище и две буханки хлеба, чтоб помянуть. Помню, что гроб из обычных досок сбили, а потом мы с Валею эту лошадь на конюшню отводили. Так моей мамы и не стало».

С этого дня начался для маленькой Нади крестный путь горького военного детства. На какой-то момент, отец семейства растерялся, но на помощь пришли заводские организации. Самая большая проблема — это младшая дочка, которой еще не было трех лет. Ее устроили в круглосуточный детский сад завода им. Ворошилова, на котором работал Иван Игнатович. Старшая и так устроена, а вот Валя и Надя (13 и 12 лет) оказались предоставлены сами себе. Для девочек основным вопросом стал вопрос выживания. На карточку иждивенца хлеба выдавали все меньше и меньше. Отец, который находился на военном положении как работник завода, хоть и был переведен на должность помощника машиниста, а проще сказать — кочегара, не мог кормить дочерей досыта. Можно было продать на рынке какую-то вещь, а на вырученные деньги купить еды. Но нищета была такая, что продавать было нечего.

С приходом тепла, девочки ездили за город, где собирали щавель, а главное — знаменитые «пучки». Оказывается, так в наших краях называют молодой борщевик. Пока он еще не начал цвести, растение выбрасывает плотную стрелку. Если снять нежную кожицу, внутри сочная сладкая мякоть, не опасная для человека. «Пучки» знали все дети военной поры и все вспоминали их, как любимое лакомство. Неизвестно, каким чудом Игнат Иванович получил одну путевку в пионерский лагерь и решил послать на целый летний месяц Надю, как более слабенькую. Девочка не знала о том, что с собой нужно собирать какие-либо вещи, да и собирать было нечего. Сколько было радости: целый месяц не надо было заботиться о еде, будет чистая постель, будут игры с другими ребятами. Прибежав, в назначенный день на сборный пункт, где уже ждали автобусы, зажимая в кулачке драгоценную бумажку, она ринулась к одному из них, но стоящая рядом женщина в белом халате, придержала ее за плечо, раздвинула ряд волос и резко оттолкнула от себя: «Да у тебя же вши!» Надя помнит, как рванулась к ближайшей колонке и яростно скребла голову под ледяной водой. В лагерь она не попала, а отец после этого подстриг обеих девочек на лысо парикмахерской машинкой. Больше косички Надя никогда не носила.

Никто не интересовался голодными или сытыми были дети, была ли у них одежда и обувь. Родных у семьи в Красноярске не было, а значит ни у кого, кроме отца, о них не болела душа.

В сентябре Надя в школу уже не пошла — было не до учебы. Голод — вот самый страшный и жестокий враг, с которым им пришлось сражаться. Оконченные пять классов — это все образование, которое ей дала война. Каждый день — битва за выживание. Сестры собирали на колхозных полях за городом мерзлую картошку, которая оставалась после уборки. «Я и не помню, мыли ли мы ее, наверное чуть-чуть, а потом пекли из них лепешки. Соседка, эвакуированная из Коломны, выходила на кухню зажав нос, а мы ничего — ели. Иногда, она приносила вчерашний суп. Он был уже прокисший, но мы и его съедали. И ведь подумай, не отравились ни разу», — рассказывает Надежда Игнатьевна. Праздником был день, когда домой приходил отец. Иногда он приносил немного жмыха (спрессованная шелуха от подсолнечника), который девочки поджаривали прямо на плите и грызли, чтобы заглушить сосущий голод.

Придя домой, Игнат Иванович всю ночь мастерил деревянные гребенки, чтобы утром девочки отнесли их на базар и выручили хоть какие-то деньги. Изредка, когда совсем было тяжело, отец совершал поступок, за который, по законам военного времени, легко мог лишиться головы. Дети прибегали к паровозу, который стоял за воротами завода, а отец сбрасывал небольшой мешочек набитый углем. Конечно он знал, чем рисковал, но и

прозрачные от голода личики дочерей ему видеть было не вмоготу. Девчонки тащили драгоценную ношу на базар, а на вырученные деньги удавалось купить муки. Дома из нее делали «затируху» (заваренная в крутом кипятке мука). Это был настоящий праздник: часть горячего кушанья тащили отцу, а часть съедали сами.

Самым страшным воспоминанием для Надежды Игнатьевны был рассказ, который я услышали только один раз. Она никогда не забудет, как тяжело и надрывно рыдал отец, вернувшись однажды с работы. Днем, бросая уголь в топку паровоза, он не заметил, как из кармана куртки выпал кошелек, где хранились деньги, документы, а главное — хлебные карточки на месяц. Он понимал, что это верная смерть для его девчонок. Надежда Игнатьевна сейчас не может точно сказать, как складывалась эта история, она рассказывает: « У нас рядом столовая была, а заведующая еврейка, оказалась человеком. Отцу сказала, чтобы девчонки приходили после того, как всех покормят. Мы с Валею целый месяц бегали, нам в чашки плеснут супу, а эта водичка и в ней вермишель звездочками. На том и продержались».

Спустя некоторое время Игнат Иванович, понимая, что средние дочери растут беспризорницами, пытался пару раз создать семью. Надежда Игнатьевна помнит одну из этих женщин, тетю Таню: «Недолго она у нас пожила. Как-то, на карточки отоварили пряники, тетя Таня принесла, ссыпала их все вместе, целая наволочка получилась и заперла в свой сундук. Был у нее такой большой, окованный железом. Нам не дала ни одного, а тут пришла старшая сестра, проповедать нас. Мы ей жаловаться давай, да соседка подлила масла в огонь, что тетя Таня наше кровное от нас спрятала. Ну Манька (мы так звали старшую сестру) долго не раздумывала: нашла какую-то железяку, да замок и сорвала, разделила пряники на две кучки, а мы их разом и съели. Вечером пришла наша мачеха, крик поднялся, кричит отцу, что у тебя не девки растут, а жиганки, и по ним плачет тюрьма. А отец заступился, говорит — они ж голодные. Она свои вещички собрала — и след простыл. И смех и грех. Это теперь я думаю, что она может подольше хотела растянуть те пряники и никакого злого умысла не имела. И жиганками нас назвала в сердцах. А ты ведь и слова этого не знаешь. Жиганками тогда называли отпетых хулиганов. Да и не надо нам было никого. Мы маму помнили и часто плакали по ней. А могилка ее потерялась», - грустно вспоминает Надежда Игнатьевна.

Слушая мою героиню, я только теперь начинаю понимать, нет даже не понимать, а ощущать каким-то шестым чувством — что значит быть голодным: «За хлебом ходила Валя, она постарше. Отец придет с работы, карточки ей отдаст, она надевает его валенки, фуфайку. Всё грязное в мазуте.

И идет в пять утра занимать очередь за хлебом. А пока домой несет — всю горбушку обгрызет со всех сторон».

Воспоминания моей героини отрывочны, следить за их последовательностью трудно, но я ее не прерывала, и мешалось в них светлое и горькое: и как бегали посмотреть на маленькую сестренку, когда летом малышей вывозили на дачу — очень радовались, когда появлялась она в белой панамке и белых трусиках, вся загорелая, кругленькая. И то как добирались сестренки за город на местном пригородном поезде, сидя на подножке, а откуда у них деньги на билет, чтобы попасть в вагон. Мне даже жутко стало, когда я представила себе двух худеньких заморышей, едущих на этой подножке, вцепившихся обеими руками в поручень — они могли погибнуть в любой момент. Вспоминает, как в холодное время грелись в общей кухне, где соседка готовила еду: «Плита немного остынет, а мы на нее заберемся. Хорошо!»

Надежда Игнатьевна в 16 лет

В 1944 году неожиданно пришла к ним соседка, жившая неподалеку. Надя была дома одна. Женщина поинтересовалась, правда ли, что ей 14 лет, уж больно тощенькая. А потом спросила, не хочет ли она пойти к ней нянькой. Условия были такие: деньги платить ей не станут, а кормить и одевать будут: «Я согласилась. Ох и тяжело мне пришлось! В 4 утра поднималась доить корову, в то время в городе многие держали скот. На правом берегу и города - то еще не было. Руки у меня слабые были, никак подоить ее не могу. Однажды корова со всей силы лягнула меня задней ногой, хорошо, что попало не по мне, а по ведру с молоком. Да уж лучше по

мне. Молоко пролилось, я ревела — ревела, хозяйка меня ругала, но не била. Потом целый день на ногах: с детьми водилась, их было двое, воду таскала, печь топила. Вот тогда я и надорвалась. Хозяйка сшила мне два платья и покрасила одно в красный, а другое в синий. Красились они страшно: то все тело красное, то синее. Спрашивали с меня, как со взрослой, а силенок у меня, как у худого котенка. Но я прожила у них целый год, а потом, уж война кончалась, пришел однажды папка, поглядел и сказал, чтобы я уходила. Мне скоро шестнадцатый год и меня возьмут в ремесло. Я так и сделала. Поступила в ремесленное училище завода Красмаш. Так мое детство и кончилось».

СВЕДЕНИЯ				Сведения о приеме на работе и увольнении	О РАБОТЕ	
№ записи	Дата				3	работу, перемещения по (с указанием причин)
	Год	Месяц	Число	3		
1	1946	vii	15	Приемлена ручн	уч. маляр	акт № 37
2	1948	vii	14	Переведена на з/р	или Водитель	
3	1948	vii	14	Приемлена чех 30	маляр 7/03	акт № 37
				14/vii/52 Служб. с	участка железной	
				интерв. рез. сов	по проекту д.у. 3-92	210/к от 21/vii/52
4	1953	x	1	Переведена в инст	участка железной	акт № 30
					Служб. с з/р 5/03	чехи от 1/10/53
5	1955	vii	20	Переведена в чех мау	инженера и рисунка	из свод. записей
				инст.участка № 30	Служб. с з/р 6/03	от 20/vii/55
6	1958	x	14	Переведена в инст	инженера чех № 45	
				контролю б/ра		
7	1960	vii	5	Присвоена ч/ра	инст.	акт № 86
					контролера по	решению
					полному маршру	

Сведения о работе

Этот рассказ складывался не один день. Мы прерывались, откладывали, а потом Надежда Игнатьевна сказала, что больше вспоминать ей нечего: и так ее воспоминания растревожили. А я для себя сделала много открытий. Это не правда, что в войну не берегли людей, а каждый был сам за себя. И заведующая столовой, что пожалела детей, и работницы завода, чьими стараниями младшая Тамара выжила. Ведь всем известно, как велика была смертность среди маленьких детей. И машинист Воронов, о котором Надежда Игнатьевна рассказывала, что работал он вместе с отцом, жил в

Торгашинской слободе. Жил хорошо: с огородом, со своим хозяйством, но семья была бездетной. Вот и просил Игната Ивановича, чтобы отдал ему маленькую Тамару, а за то, он будет семье помогать. Надя помнит, как ревели она в два голоса с сестрой: «Папка не отдавай. Мама никогда бы не отдала!». Наверное, машинист Воронов хотел помочь, но эту помощь семья не приняла. И еще один вывод. Независимо от того, где дети находились в войну: под бомбёжкой в Сталинграде, в оккупированном Смоленске, в умирающем блокадном Ленинграде или в далеком тыловом Красноярске, работающем из последних сил для фронта — все они были жертвами той страшной войны. И если они выжили, то остались подранками, так как война осталась с ними навсегда.

У моей героини большая жизнь. Она прожила ее честно, принимая и трудности и радости, что выпадали ей. Более сорока лет она трудилась на том заводе, куда пришла совсем девочкой.

Трудовая книжка

№ ВЛАН
ВСТАВКА
20.02.88

Фамилия *Ласова Кузрякова*

Имя *Анастасия*

Отчество *Игнатьевна*

Год рождения *1930*

Образование: *5кл*
начальное, среднее, высшее
(подчеркнуть)

Профессия *швейца*

Подпись владельца Трудовой книжки
Ласова

Дата заполнения Трудовой книжки
26. августа 1988

Подпись начальника
Ленинским райисполкомом
г. Красноярск
25 сентября 88

№ записи				СВЕДЕНИЯ			О РАБОТЕ	
Год	Месяц	Число	Дата	Сведения о приеме на работу и увольнении (с указанием причин)	работу, перемещения по (с указанием причин)	На основании чего внесены записки (документ, его дата и номер)		
1	1946	VII	15	Принята 04/11/46	уч. швейца	акт № 10/47		
2	1948	VII	14	Перевод на 3-й	уч. швейца			
3	1948	VII	14	Принята 4-х 30	швейца			
				14/07/52 Свободн	участков			
				вспомог. работ.				
4	1955	X	1	Торжественн	участков			
5	1955	XII	20	Переводен в уч. швейца	швейца и демонтаж	акт № 1/15/53		
6	1958	XI	14	Переводен в швейца	швейца	акт № 20/1/58		
7	1960	II	5	Переводен в швейца	швейца			
				Красноярск	швейца			

Первая и последняя страницы трудовой книжки

В ее жизни была и семья, которую она создала с любимившемся парнем; и дочь, для которой у нее было давно припасено имя. Даже с мужем договорилась, если родится девочка, то имя будет давать она, а если мальчик, то имя будет давать муж. Родилась дочь, которую назвали Ириной в честь бабушки, которую та никогда не видела. Она говорит, что прожила жизнь, как все, нет в ней ничего, о чем стоит кому-то рассказать. А я считаю, что рассказывать об этом надо, пока есть еще люди, чьи незамысловатые истории так рвут душу. Надежда Игнатьевна свято верит, что с самого рождения по сегодняшний день бережет ее любовь матери, которую она любила больше всего на свете. Ведь не даром она призналась, что хранит ее

портрет. Каким-то чудом ей удалось сберечь маленькую плохенькую фотографию с которой она, став взрослой сделала большой портрет в потемневшей от времени деревянной раме. Строго смотрит с него молодая женщина с гладкой прической и печальными глазами. Сфотографировать для работы свою самую большую ценность, Надежда Игнатьевна не разрешила.

В нашем городе есть памятник, который мне очень нравится. Его задумывали поставить в память о детях, которых привезли из блокадного Ленинграда. Но потом решили, что этот памятник будет посвящен всем детям войны. И я считаю- это правильно, потому что, после бесед с героиней моего рассказа, я все время повторяю строчку, перефразируя Анну Ахматову:

«Тыловые сироты, детоньки мои...»

Красноярский памятник, посвященный детям войны

Ни одной детской фотографии у Надежды Игнатьевны не сохранилось и как выглядела она в своем военном детстве, я могу себе только представлять. Зато я сознательно не стала редактировать её речь. Мне кажется, что она точно передает переживания и эмоции моей героини.

Библиография

Литература:

1. Гришаев В.В., Шилов Н.С., Век Истории., Красноярск 1998 год.
2. Енисейский Энциклопедический словарь / Под редакцией Н.И. Дроздова.- Красноярск: КОО Ассоциация «Русская энциклопедия», 1998-736 с.
3. Ростовцев С.Н. «На благо Сибири», Абакан, 2007 г.

Интернет ресурсы:

Полевые исследования автора:

1. Интервью с Ласой Надеждой Игнатьевной (сентябрь-октябрь 2019 год)